

УДК 1 (091)

DOI: 10.29039/2413-1695-2024-10-4-18-28

УЛОВКА ПОППЕРА И ПАРАДОКС ФРЕЙДА: ПРИРОДА КРИТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА И ХАРАКТЕР РЕАКЦИИ НА НЕЕ

Степаненко А. Д.

***Аннотация:** В статье дается краткий обзор критики психоаналитической концепции Зигмунда Фрейда, выявляется ее ключевое направление и аргументируются причины его выбора; анализируется содержание типичных контраргументов Фрейда и его последователей в ответ на критические замечания, на основе чего формулируется утверждение о наличии противоречия между содержанием и идентичностью классического психоанализа. Высказывая мнение, что постулирование наличия скрытой части психической системы значительно расширило область применения методов психотерапии, автор вместе с тем утверждает, что, оставаясь преданным ключевой позитивистской установке, Фрейд последовательно отвергал все прочие, кроме науки, методы познания, считая их спекулятивными и потому не заслуживающими доверия. Резюмируя, автор высказывает мысль, что нежелание рассматривать собственные теоретические и практические изыскания вне области естественнонаучных исследований поставило классический психоанализ в весьма тесные идейные рамки и, соответственно, в крайне невыгодные полемические условия, что в свою очередь сделало ее удобной мишенью для нападков со стороны теоретиков демаркации научного знания.*

***Ключевые слова:** психоанализ, научность, мировоззрение, позитивизм, материализм, рационализм, душа.*

Под градусом критики

Критические высказывания в адрес Зигмунда Фрейда и его последователей по поводу отсутствия у психоанализа строгой методологической основы и, как следствие, его несоответствия фундаментальным критериям научности давно стали общим местом.

Крупнейшим «обвинителем» психоанализа, можно сказать, одним из пионеров в этой области стал Карл Поппер: не только, впрочем, психоанализа, но также и марксистской теории классовой борьбы – то есть, заметим, на острие атак влиятельного британца тогда оказались набравшие наибольшую популярность и при этом конкурирующие в том числе с его «критическим рационализмом» материалистические философские системы; но можно взглянуть на эту историю и так, что Поппер использовал слабые стороны психоанализа и марксизма для обоснования предлагаемого им самим подхода к переосмыслению метода демаркации научного знания.

Противопоставляя методу верификации метод фальсифицируемости, в основу которого им было положено обязательное наличие самой возможности опровержения (или фальсификации) любой теории (поскольку именно оно определяет также возможность

проверки гипотез, а следовательно, установления их научного характера), Поппер настаивал на том, что психоанализ, в силу разрыва логических цепочек на стадии интерпретации наблюдений (в данном случае, клинических случаев так называемых «невроз»¹⁾ и вольности выводов, не предоставляет должного материала ни для верификации, ни для опровержения.

Сравнивая впечатления своих знакомых от идей Маркса, Фрейда и Адлера, Поппер заметил, что все они находились прежде всего под влиянием их «явной объяснительной силы» [1, с. 240]. По этому поводу он, в частности, писал следующее: «Казалось, эти теории способны были объяснить практически все, что происходило в той области, которую они описывали» [1, с. 240].

По мнению Поппера, с попавшими под влияние идей указанных мыслителей случилось своего рода духовное перерождение, раскрывающее глаза на новые истины, скрытые от непосвященных, в результате чего подтверждающие воспринятую теорию примеры они начинали видеть повсюду, а причины чьих-либо сомнений трактовали в рамках своей новой системы координат (несовместимость с классовыми интересами, подавленность и т.п.).

Поппер также утверждал, что упомянутые теории оказываются в итоге ориентированы сами на себя, поскольку все наблюдения «верифицируются» на основе уже сделанных утверждений; тогда как на самом деле те же самые наблюдения вполне могут служить подтверждением и совершенно иных построений. В качестве иллюстрации он приводил такой пример: и поведение человека, толкающего в воду ребенка с целью утопить его, и поведение человека, жертвующего собой ради того, чтобы спасти тонущего ребенка, можно с одинаковым успехом интерпретировать и в рамках теории Фрейда, и в рамках теории Адлера². Так, согласно Фрейду, первый человек страдает от подавления, а второй достиг сублимации; согласно же Адлеру, и первый, и второй испытывают чувство неполноценности, только в первом случае человек пытается доказать себе, что способен на преступление, а во втором – что способен спасти ребенка [1, с. 241].

Теории Маркса и Фрейда Поппер сравнивал с теорией относительности Альберта Эйнштейна, где, согласно его оценке, дела обстоят иначе, поскольку предсказания вполне можно подтвердить экспериментами, а в случае неудачи эксперимента тем самым опровергнуть их³; в то время как психоаналитические теории, по утверждению британского философа, являются и непроверяемыми, и непроверяемыми, поскольку «нельзя представить себе человеческого поведения, которое могло бы опровергнуть их» [1, с. 242].

1 Под невротами, как уже упоминалось, в соответствующий период времени расширительно понимались все без исключения случаи диагностированных душевных расстройств, проблем, переживаний, а также соответствующие жалобы на их возможное наличие.

2 Альфред Адлер, австрийский психиатр, психолог, основоположник психотерапевтического направления, получившего название «индивидуальная психология».

3 Поппер приводит в пример предположение Эйнштейна о том, что тяжелые массы, например, Солнце, притягивают свет точно так же, как они притягивают материальные тела. Здесь с целью верификации необходимо произвести наблюдение за Солнцем во время затмения и, сфотографировав в этот положение звезд вокруг солнечного диска, сделать то же самое ночью, чтобы обнаружить, что положение изменится.

Из этого он заключает: наблюдения, в том числе клинические, которые предпринимаются для подтверждения теорий, являются их же интерпретациями, поэтому не имеют ценности; настоящее подтверждение можно получить только из тех наблюдений, которые специально предприняты для опровержения теории [1, с. 247].

Вывод Поппера следующий: «Это означает, что те «клинические наблюдения», которые, как наивно полагают психоаналитики, подтверждают их теорию, делают это не в большей степени, чем ежедневные подтверждения, обнаруживаемые астрологами в своей практике» [1, с. 246–248].

Уловка Поппера

Отметим еще раз, что Поппер объявил не относимым к разряду научных теорий не только психоанализ, но также и марксизм. Примечательно это потому, что в своей основе попперовский фальсификационизм, являясь, по сути, развитием по отрицательному принципу постпозитивистского верификационизма, вообще-то представляет собой следующий после упомянутого уровень реакции на кризис классической парадигмы в эпистемологии и противостоит в первую очередь релятивизации науки, философии и знания как такового.

Релятивизм в науке (или, по выражению Поппера, интеллектуальный релятивизм) не устраивает Поппера в основном потому, что следствием его является моральный релятивизм, то есть он, по всей видимости, полагает, что прекращение поиска истины наукой повлечет за собой размывание ключевых моральных и нравственных норм и приведет к разложению социума. Вместе с тем, есть основания предполагать наличие более фундаментальных причин неприятия релятивизма как постпозитивистами, так и Поппером. Дело в том, что позитивистская установка относительно принципиальной достижимости истины корнями уходит в науку, которая стремится к установлению истины органически, то есть по своей природе; однако же получилось в итоге так, что именно обожествленная позитивизмом наука и поставила этот казавшийся незыблемым постулат под сомнение, причем шаг к релятивизации был произведен не где-нибудь, а в святая святых естественных наук: в физике. Понятно почему: именно физика первой столкнулась с таким изменением содержания научного знания, которое подкосило фундамент классической эпистемологии – в первую очередь в части отношения к основным принципам познания и критериям их объективности⁴. Так, например, В. Гейзенберг высказывался на этот счет следующим образом: «...прогресс в науке обходится, как правило, без сопротивления и пререканий. Дело, однако, оборачивается иначе, когда новая группа явлений заставляет произвести изменения в структуре мышления. Здесь даже

⁴ Исследования микромира поставили вопрос о применимости к нему законов мира классической науки. Следствием появления квантовой механики стали также революционные изменения в физике, связанные с началом изучения больших (близких к скорости света) скоростей. В конечном счете это привело к появлению принципиально отличного от классического взгляда на макромир, возникновению многочисленных теорий относительно природы Вселенной и космических объектов, не говоря уже о научно-технической революции XX века, развитии информационных технологий, исследованиях в области ядерного синтеза и создания искусственного интеллекта.

наиболее выдающиеся физики испытывают величайшие затруднения, ибо требование изменить структуру мышления вызывает такое ощущение, будто почва уходит из-под ног» [2, с. 197].

Мало того: физика не просто «изменила» позитивистам – своей релятивизацией она, естественно, поставила под сомнение и сам позитивизм; неудивительно, что наследники позитивизма заняли в связи с этим круговую оборону. Постпозитивизм, стремясь удержать науку и философию на твердой почве, стал настаивать на необходимости любое знание подвергать верификации, то есть проверке опытом (экспериментом) – с тем, чтобы таким образом устанавливать научный или ненаучный характер знания. Отметая неверифицируемое знание как ненаучное и, следовательно, неистинное, постпозитивисты пытаются предотвратить релятивистское умножение истин; проблема, однако, оказалась в том, что предложенный Венским кружком принцип верификации, во-первых, полностью уничтожил метафизику (а с ней, соответственно, и философию – то есть, собственно, позитивизм), а во-вторых, позволил устанавливать не столько истинность, сколько ту или иную, пусть даже в отдельных случаях очень высокую, степень вероятности.

Последнее особенно волновало Поппера (собственно, он и сформулировал данную проблему), поэтому для установления истинности он предложил проверять теоретические построения не с целью их подтверждения, а с целью опровержения, причем опровержения не с целью опровергнуть, а с целью подтвердить наличие самой возможности опровержения, поскольку, согласно утверждению Поппера, любая научная теория должна быть в принципе опровержима, то есть хотя бы гипотетически должен существовать такой эксперимент, который может опровергнуть теорию. Если же такой возможности в принципе нет – тогда невозможно проверить и истинность; это как раз и ставит вопрос о целесообразности отнесения такой теории к разряду научных.

Помимо предложенного принципа демаркации научного знания («демаркация» - термин, введенный Поппером), Поппер предпринял еще один важный антирелятивистский шаг: защищая абсолютность истины, он абсолютизировал в рамках своей концепции и путь к ней, объявив его бесконечным.

Что важно: концепция Поппера не только остается в русле позитивистской установки на наличие абсолютной истины и ее безотносительность, но, по сути, и создается именно для ее защиты (то есть защиты парадигмы, в понимании Т. Куна⁵), предлагая изменить лишь отношение и, как следствие, подход к ее достижению. Фаллибилизм Поппера даже допускает отсутствие возможности достичь абсолютного знания, однако не ставит под вопрос необходимость движения к данной цели. Релятивизм для Поппера – это прежде всего кризис целеполагания, «болезнь философии нашего времени»; стре-

⁵ Томас Кун создал концепцию, которую, несмотря на формальное противостояние с попперовской (оно заключалось в различии взглядов на характер процесса развития науки: Поппер считал, что движение осуществляется линейно и эволюционно, а Кун настаивал на диалектическом векторе: через накопление противоречий и их преодоление революционным путем; характерно, что оба философа под развитием науки понимали ее прогресс) также вряд ли можно назвать комплиментарной к релятивизму; хотя шагом в этом направлении она все же стала: как минимум, Кун отверг неизменность критериев оценки научной рациональности и допустил их развитие [См. 3].

мясь не допустить подобного, он в итоге предлагает своего рода псевдорелятивизм в противовес релятивизму настоящему (создает защитный пояс, по И. Лакатосу⁶), то есть в некотором смысле отвлекает тем самым внимание на негодный объект.

Нас, однако, интересует больше то, каким образом Поппер берется обосновывать свой метод «демаркации». Удивительным образом, воюя с релятивизмом, произрастающим из эйнштейновской теории относительности, Поппер именно общую теорию относительности объявляет положительным примером «фальсифицируемости», приводя при этом довод как раз из серии «верификаций», то есть указывающий, согласно его же характеристике, на высокую вероятность того, что ОТО верна; тогда как нефальсифицируемыми и, соответственно, сомнительными он называет совершенно позитивистский по духу марксизм⁷ и фрейдовский психоанализ, который релятивистичен, что называется, вопреки воле автора (о чем речь пойдет ниже). На такую хитрость или уловку Поппер, как представляется, идет неспроста. Основных причин, думается, три:

1. Противопоставляя позитивизм релятивистской физике, то есть науке, Поппер отрицал бы самое себя, то есть позитивизм – на это пойти он, конечно, не может.

6 Ирме Лакатос, поначалу двинувшийся вслед за Поппером по пути развития концепции фальсификационизма, в итоге по многим аспектам встал на позиции, противоположные попперовским. Хотя в полемике Куна с Поппером он вроде бы склоняется к согласию с последним (поскольку считает попперовское объяснение того, как происходит изменение научного знания, более рационально обоснованным, тогда как «научную революцию» Куна сравнивает с «мистическим преображением»), фактически намеченная Лакатосом структура развития «исследовательской программы» дополняет теорию «научных революций» Куна: Лакатос показывает, каким образом происходит накопление противоречий в «господствующей» парадигме, как оно влияет на изменение ее внутреннего содержания, а также каким образом парадигма выстраивает свою защиту (защитный пояс *ad hoc* гипотез), пытаясь приспособиться к изменениям, и в какой момент критическая масса противоречий приводит к разрушению сердцевины (ядра) концепции [См. 4].

7 Марксисты также противопоставляли себя позитивизму, который они в свою очередь относили к идеализму, тогда как себя – к «истинному материализму». Здесь, очевидно, имеют место, с одной стороны, типичное для марксизма неприятие оттенков, с другой – все тот же фактор конкуренции. В любом случае марксистская оценка позитивизма является весьма спорной – хотя бы по той причине, что в угоду поставленной цели используются негодные средства: как и в ряде иных случаев, марксисты намеренно размывают суть понятий «идеализм» и «материализм», проводя дифференциацию не по принципу первичности (идеи или материи), а фактически по отношению к опытным данным и теоретическим построениям (к метафизике). Трактруя первые как «идеи», на которые опираются позитивисты, а также обвиняя последних в фиксации на опыте (якобы, ограничиваясь опытом, те не желают проникать в суть явлений, раскрывать их природу) марксисты провозглашают «истинными материалистами» тех, кто, по их мнению, активно осмысляет реально существующий мир как первичный объект (то есть, естественно, себя). Фундаментально, однако, осмысление, следующее за объективным существованием есть как раз позитивистская мировоззренческая установка, в рамках которой физический мир первичен и постигается посредством анализа опытных данных («нет ничего, кроме опыта» является констатацией ограниченности доступного человеку познавательного инструментария, а не отрицанием наличия источника опытных данных); то есть реальные различия между позитивизмом и марксизмом не выходят за рамки дискуссии о способах и формах такого осмысления.

2. В случае с релятивистской физикой также возникает то, что Кун называет «не-соизмеримостью»: находясь в классической парадигме, Поппер просто неспособен аргументировать свою позицию в отношении теории относительности или тем более основных принципов квантовой механики.

3. Препятствием был также авторитет А. Эйнштейна и физики как научной области в целом, поскольку с ней в тот период связывались основные надежды на быстрый технический прогресс (в первую очередь, как это пи печально, в сфере развития вооружений – однако сбрасывать со счетов данный фактор никак нельзя).

В этом смысле психоанализ и марксизм «подошли» Попперу больше – и как теории вполне соизмеримые, и как более удобные политически, и в итоге, сосредоточившись на них, он обошел самое сложное и вряд ли преодолимое препятствие на пути развития своей концепции. Впрочем, вполне вероятно, что на выбор Поппером мишеней повлияла также и политическая целесообразность; в любом случае трудно не заметить еще одно, ставшее следствием, противоречие: представляя в дальнейшем свою «теорию открытого общества», сам Поппер вряд ли всерьез рассчитывал на то, что она сможет в полной мере удовлетворить требованиям принципиальной фальсифицируемости.

Реакция психоанализа на критику

Ответная реакция психоанализа на обвинения в несоответствии критериям научности, равно как и на иные нападки на него, идейно сводилась в основном к двум типам аргументации.

Для первого из них, полагает А.М. Руткевич, характерен был принцип *ad hominem*, а именно: «Противники психоанализа критикуют его из-за своих «комплексов», высказываться о психоанализе могут лишь те, кто его прошел» [5, с. 10].

Как утверждает Руткевич, часто критики психоанализа оцениваются его адептами как невротики или психотики, а иногда прямо обвиняются в антисемитизме, в чем, по его мнению, они напоминают сторонников тоталитарных идеологий или религиозных сект [5, с. 11].

Второй тип аргументации представляет собой попытки, охарактеризовав теорию Фрейда как набор интуитивных гипотез, провести параллели между психоанализом и теми великими прозрениями в области точных наук, которые предвосхитили будущие открытия и создали задел для дальнейшего прогресса.

Такой точки зрения, что важно, придерживался сам Фрейд. В частности, в «Восемнадцатой лекции» высказывается так: «...выдвижением бессознательного на первый план в душевной жизни мы вызвали самых злых духов критики психоанализа. Не удивляйтесь этому и не верьте также тому, что сопротивление против нас заключается лишь в трудности понимания бессознательного или в относительной недоступности опытных данных, которые его доказывают. Я полагаю, оно имеет более глубокие причины. В течение веков наивное самолюбие человечества вынуждено было претерпеть от науки два великих оскорбления. Первое, когда оно узнало, что наша земля не центр вселенной, а крошечная частичка мировой системы, величину которой едва можно себе представить. Оно связано с именем Коперника, хотя подобное провозглашала уже александрийская наука. Затем

второе, когда биологическое исследование уничтожило привилегию сотворения человека, указав ему на происхождение из животного мира и неискоренимость его животной природы. Эта переоценка произошла в наши дни под влиянием Ч. Дарвина, Уоллеса и их предшественников не без ожесточеннейшего сопротивления современников. Но третий, самый чувствительный удар по человеческой мании величия было суждено нанести современному психоаналитическому исследованию, которое указало Я, что оно не является даже хозяином в собственном доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно» [6, с. 181].

Данную позицию развивали в дальнейшем и последователи Фрейда, например, австрийский психоаналитик Эльза Френкель-Брансвик, которая полагала, что, выходя за пределы сознательной деятельности, Фрейд объясняет разрозненные и непонятные действия, выстраивает между ними доказуемую связь. Так, она пишет: «С точки зрения логики бессознательные тенденции представляют собой частный случай латентных или «диспозиционных» характеристик, их можно сравнить с такими физическими характеристиками, как магнетизм» [7, с. 298].

Несложно заметить, что как в субъективном («диагностическом»), так и в объективном («экстраполирующем») варианте реакция психоанализа на критику свидетельствует о весьма болезненном ее восприятии: выдвигая контраргументы, данное сообщество либо сразу «переходит на личности», либо оперирует категориями своей элитарности (недоступности для понимания не только широкому кругу лиц, но даже и интеллектуалам).

Уязвимость как следствие идентичности

При ознакомлении с вышеописанным дискурсом трудно отделаться от ощущения, что, помимо «уловки», существует еще какая-то причина того, что критиками психоанализа длительное время настойчиво выбиралось именно это направление «приложения усилий»: претензии к несоответствию критериям научности (вряд ли подобное можно объяснить одним лишь авторитетом Поппера). Возникает и еще ряд вопросов, например, таких: почему ни Фрейд, ни его последователи «не заметили» уловку Поппера? почему они по сей день не сумели эффективно затупить критические стрелы «демаркантов»? почему, в конце концов, они вообще посчитали нужным включаться в эту, довольно бесплодную, по фактическим результатам, дискуссию?

Ответ на эти вопросы может быть дан, если обратить пристальное внимание на специфическое «слабое место» классического психоанализа: наличие острого противоречия между содержанием концепции и мировоззренческой идентичностью ее создателя.

Что касается последнего, вспомним, что в «Будущем одной иллюзии» Фрейд без обиняков заявляет следующее: «Научная работа остается для нас... единственным путем, способным вести к познанию реальности вне нас» [8, с. 120]. Там же, недвусмысленно провозглашая как примат научного знания, так и принципиальное отношение к вопросу о познаваемости, он заявляет: «Мы верим в то, что наука в труде и исканиях способна узнать многое о реальности мира, благодаря чему мы станем сильнее и сможем устроить свою жизнь» [8, с. 141].

Нет сомнений: существенное расширение спектра исследований структуры психического, которое подразумевает как сама гипотеза о наличии скрытых его частей, так и накопление и обобщение практического материала с целью выявить и сформулировать принципы функционирования бессознательного, Фрейд также понимает как научное исследование, то есть, по сути, он не делает различий между разработкой метода толкования сновидений и изучением нервных клеток спинного мозга. Более того, в «Тридцать пятой лекции» Фрейд откровенно признается в том, что всегда желал видеть психоанализ частью науки: «Думаю, что психоанализ не способен создать свое особое мировоззрение. Ему и не нужно это, он является частью науки и может примкнуть к научному мировоззрению» [9, с. 415].

Свою собственную задачу основатель психоанализа при этом формулирует как «распространение исследования на область души» [9, с. 400] или, иными словами, он признается, что рассматривает душу как материальный и, стало быть, полностью доступный познанию объект. Что неудивительно – ведь классический психоанализ вырос, с одной стороны, из естественнонаучной и медицинской, в том числе психиатрической, практики Фрейда, с другой – из его естественнонаучного же, материалистического в своей основе, мировоззрения^{8/}

Вместе с тем, именно сформулированная Фрейдом гипотеза о наличии скрытой части психики (бессознательного), возможно, вопреки его собственному желанию, превратила психоанализ в глобальную систему (и теорию) познания личности, подразумевающую к тому же тотальную экстраполяцию: на всех индивидов вместе и на каждого в отдельности. Восхождение на уровень структуры психики в принципе не могло уже подразумевать практическое соприкосновение только с душевными расстройствами – теперь речь шла о проблематике формирования личности: таким образом, потенциальным клиентом психоаналитика или объектом изучения в психоанализе сделались и любой индивид как субъект, и индивидуальность как явление. Фактически Фрейд тем самым сделал заявку на становление «теории души», в известном смысле – и на установление дуалистичности ее, человеческой души, психофизической природы, однако на пути дальнейшего развития мысли в данном направлении – в рамках классического психоанализа – встал удивительный парадокс: свое смелое и, безусловно, эпохальное предположение Фрейд так и не сумел в полной мере примирить с собственным мировоззрением. Приблизившись сам и, вероятно, существенно приблизив все человечество к пониманию природы душевного, именно в этом Фрейд так и не решился признаться самому себе; наоборот, до конца своей жизни он фанатично стремился рационализировать бессознательное, выискивая различные возможности максимально сократить расстояние между ним и сознанием, а также так или иначе привязать содержание бессознательных процессов к конкретным материальным событиям и явлениям; тем самым и весь психоанализ он фактически пытался так или иначе вернуть обратно в русло одновременно научной теории и медицинской практики.

⁸ Мировоззрение психоанализа было охарактеризовано К.Г. Юнгом как «рационалистический материализм» [10, с. 273].

Заключение

Приверженность Зигмунда Фрейда и его последователей сугубо научной картине мира (вернее, современным ему представлениям о природе научного знания – общеизвестно, например, его скептическое отношение к релятивизму, к философии в целом, а также не слишком высокая оценка творчества), неготовность уступить хоть какое-то место прочим формам познания («иллюзии») и, соответственно, граничащее с фанатизмом нежелание рассматривать собственные теоретические и практические изыскания вне области «научных исследований» стали основными факторами, сделавшим классический психоанализ весьма удобной мишенью для поборников соответствия критериям научности. С одной стороны, в силу особенности своего положения на стыке естественных и гуманитарных наук (а желание Фрейда считать его частью науки и медицинские корни психоанализа такому вовлечению весьма способствовали) психоанализ и оказался вовлечен в дискуссию о методологии демаркации научного знания в качестве «удачного примера» – вне всякой связи с его культурной ценностью и динамикой результатов соответствующей практики. С другой – психоанализ сам себя поставил себя в неравные условия, лишившись аргументов: не имея возможности ни подтвердить – в силу умозрительности – большинство построений, ни обеспечить их верификацию (и, соответственно, возможность опровержения) практическими результатами в силу характерного для гуманитарных областей знания отсутствия четких критериев результативности, он заведомо отменил саму возможность формулировать контраргументы вне позитивистской установки (поставив себя в один ряд не с физикой и химией, а допустим, с философией – ведь философию Фрейд тоже не приемлет, считая ее методом спекулятивным).

Список литературы

1. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы. М.: Прогресс, 1983.
2. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ, 2020.
4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
5. Руткевич А.М. Научный статус психоанализа. Вопросы философии. 2000. N 10. С. 9-14.
6. Фрейд З. Восемнадцатая лекция. Фиксация на травме, бессознательное. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука.1991.
7. Frenkel-Brunswik Else. Meaning of Psychoanalytic Concepts and Confirmation of Psychoanalytic Theories, The Scientific Monthly, Nov., 1954, Vol.79, No.5. Pp. 293-300.
8. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. Сумерки богов. М., 1989.С. 94-143.
9. Фрейд З. Тридцать пятая лекция. О мировоззрении. Введение в психоанализ.

Лекции. М.: Наука. 1991.

10. Юнг К.Г. Аналитическая психология и мировоззрение. Проблема души нашего времени. М.: АСТ. 2022.

Сведения об авторе

Степаненко Александр Давидович – аспирант кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва.

E-mail: 1142221237@rudn.ru

Stepanenko A. D.

POPPER'S TRICK AND FREUD'S PARADOX: ON THE NATURE OF CRITICISM OF PSYCHOANALYSIS AND THE NATURE OF THE REACTION TO IT

Abstract: *This article outlines a view on the main reason for the appearance of numerous critical statements regarding Sigmund Freud's psychoanalytic concept. It contains the phenomenon criticism and the analysis of its key direction and the reasons. The conclusion regarding the reasons for painful reaction to criticism based on content of Sigmund Freud and his followers' typical counterarguments in response to criticism is presented. Expressing the opinion that the postulation of the mental system hidden part presence has significantly expanded the scope of psychotherapy, the author at the same time argues that, while remaining devoted to the key positivist attitude, Sigmund Freud consistently rejected all methods other than science knowledge, considering it speculative and therefore not trustworthy. Summarizing, the author puts forward the idea that the reluctance to consider one's own theoretical and practical research outside the field of natural science research placed Freud's "Viennese school" in a very narrow ideological framework as well as in extremely unfavorable polemical conditions, which in turn made it a convenient target for attacks from sides of theorists of demarcation of scientific knowledge.*

Keywords: *psychoanalysis, scientific character, worldview, positivism, materialism, rationalism, soul.*

References

1. Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya: Izbr. raboty. M.: Progress, 1983.
2. Gejzenberg V. Shagi za gorizont. M.: Progress, 1987. 368 s.
3. Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. Per. s angl. I.Z. Naletova. M.: AST, 2020.
4. Lakatos I. Fal'sifikacija i metodologija nauchno-issledovatel'skih programm. M.: Medium, 1995.
5. Rutkevich A.M. Nauchnyj status psihoanaliza. Voprosy filosofii. 2000. N 10. S. 9-14.
6. Freud Z. Vosemnadcataja lekcija. Fiksacija na travme, bessoznatel'noe. Vvedenie v

- psihoanaliz. Lekcii. M.: Nauka.1991.
7. Frenkel-Brunswik Else. Meaning of Psychoanalytic Concepts and Confirmation of Psychoanalytic Theories, The Scientific Monthly, Nov., 1954, Vol.79, No.5. Pp. 293-300.
 8. Freud Z. Budushhee odnoj illjuzii. Sumerki bogov. M., 1989.S. 94-143.
 9. Freud Z. Tridcat' pjataja lekcija. O mirovozzrenii. Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii. M.: Nauka. 1991.
 10. Jung K.G. Analiticheskaja psihologija i mirovozzrenie. Problema dushi nashego vremeni. M.: AST. 2022.

Stepanenko Alexander Davidovich – graduate student of the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow.

E-mail: 1142221237@rudn.ru